

Роберт
ХАЙНЛАЙН

Звездный десант

•

Гражданин Галактики

•

Дверь в лето

Москва
2018

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Роберт
ХАЙНЛАЙН

Дверь в лето

Избранное

Москва
2018

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
X15

Robert A. Heinlein

STARSHIP TROOPERS
Copyright © 1959 by Robert A. Heinlein

CITIZEN OF THE GALAXY
Copyright © 1957 by Robert A. Heinlein

THE DOOR INTO SUMMER
Copyright © 1956 by Robert A. Heinlein

Разработка серии *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *А. Дубовика*

Портрет автора на обложке *В. Коробейникова*

Хайнлайн, Роберт.

X15 Дверь в лето / Роберт Хайнлайн ; [пер. с англ. Д. Старкова, А. Шарова, А. Бранского]. — Москва : Эксмо, 2018. — 704 с. — (Шедевры фантастики).

ISBN 978-5-04-094215-2

В книгу вошли лучшие романы Грандмастера фантастики Роберта Хайнлайна.

«Звездный десант», который принес писателю высшую жанровую награду «Хьюго», рассматривает проблему становления человека в условиях тотальной войны и милитаризации общества. Роман «Гражданин Галактики» развивает темы ксенофобии, личной свободы и права выбора уже в либертарианском ключе.

«Дверь в Лето» — лирическая и трогательная история с оригинальной трактовкой путешествия во времени.

Но помимо высокой идейной составляющей все произведения Хайнлайна — это мастерские образцы увлекательной научной фантастики, на протяжении многих лет волнующие умы читателей.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Д. Старков, перевод на русский язык, 2018

© А. Шаров, перевод на русский язык, 2018

© А. Бранский, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-094215-2

•

*Звездный
десант*

•

*Сержанту Артуру Джорджу Смиту,
солдату, гражданину, ученому,
и всем сержантам,
когда-либо бравшим на себя труд
воспитывать из мальчишек мужчин.*

Глава 1

А ну, вперед, обезьяны! Или вечной жизни захотелось?!

Неизвестный взводный, 1918

Вот всегда у меня перед броском колотун начинается! Кажется, и стимуляторами напичкали, и гипнодинамику провели — после всего этого должен бы напрочь всяких страхов лишиться, а вот поди ж ты... Наш корабельный психиатр каждую извилину мою прозвонил — загипнотизировал, задал кучу дурацких вопросов, а потом сказал, что нет у меня ничего особенного и вовсе это не от страха. Точно так же, мол, призовые рысаки дрожат на старте.

Тут я ничего не скажу — в жизни не был призовым рыском, откуда ж мне знать? Однако перед броском всякий раз трясет, будто последнего салажонка. За полчаса до броска нас выстроили в «предбаннике», и командир взвода, сержант Джелал, приступил к осмотру. На самом деле Джелал вовсе не был командиром взвода — просто взводным сержантом. Однако наш лейтенант Расжак из последнего броска не вернулся, и Джелал, как старший по званию, на время его заменил. Джелал наполовину финн, наполовину турок с Искандера (Проксима) и больше всего похож на писаря-недомерка. Но это — только с виду; я однажды сам наблюдал, как он разделался с двумя парнями, которые разбушевались ни с того ни с сего. Джелли до голов-то их едва мог дотянуться, но уж когда дотянулся... Лбы их друг о друга шелкнули звонче спелых кокосов! А сержант еще успел на шаг отступить, прежде чем парни долетели до пола.

Джелал, хоть и сержант, занудюю вовсе не был. Вне строя его даже можно было в глаза звать — Джелли. Конечно, са- лагам такого не дозволялось, но если хоть раз ходил в боевой десант — смело можешь обращаться к нему на «ты».

Но как раз сейчас он был «при исполнении». Все мы уже проверили каждую мелочь в экипировке — от этого как-никак своя же шкура зависит, — потом нас жучил и. о. взводного сержанта, а теперь за дело принялся Джелли. Лицо его будто окаменело, а глаза не упускали ничего. Подойдя к стоящему напротив меня Дженкинсу, он протянул руку к его поясу и нажал кнопку индикатора физсостояния.

— Выйти из строя!

— Сержант, всего-то навсего насморк! Фельдшер говорил...

— «Говорил»... Фельдшеру в десант не идти! И тебе с твоими 37,5° — тоже. Нашел время болтать. **ВЫЙТИ ИЗ СТРОЯ!**

Дженкинс покинул строй. Он был просто сам не свой — да и мне сделалось не по себе. После гибели лейтенанта Расжака нас повесили по цепочке, и я стал помощником командира второго полувзвода. Теперь, с уходом Дженкинса, в отделении появилась дыра, и заткнуть ее нечем. Плохо; может статься, кто-нибудь из ребят позовет на помощь, а услышать его будет некому...

Джелли завершил осмотр. Отступив на середину, он оглядел нас и покачал головой.

— Стадо обезьянье, — угрюмо буркнул он. — Ладно, если всех вас сегодня ухлопают к чертовой бабушке, может, мне таки удастся сколотить подразделение, какое и лейтенанту не стыдно было бы показать. А может, и не выйдет ничего — война, кого попало набирают...

Джелал вдруг стал точно выше ростом.

— Запомните! Каждый из вас, обезьян, и все вы вместе — влетели Федерации в копеечку! Оружие, скафандр, боезапас, прочая экипировка, обучение, жратва — словом, все, что вам стравили, потянет больше полумиллиона! Да еще сами потянете на тридцать центов — вполне приличная сумма выйдет.

Сержант обвел взглядом строй.

— А потому казенное имущество — хоть в лепешку разбейтесь, но доставьте обратно! Сами вы потеря невеликая, но время сейчас не такое, чтобы попусту разбрасываться экипировкой! Зарубите себе на носу: мне тут героев не надо. Лейтенанту — тоже. От вас требуется просто сделать ваше дело: отправиться вниз, выполнить задание, не прохлопать отбой и

прибыть к месту сбора — на полусогнутых и в порядке номеров. Ясно?

Джелли вновь окинул строй взглядом.

— Считается, что план вам известен. Однако многие из вас, обезьян, за отсутствием хоть капли мозга наверняка забудут и гипноустановки, поэтому я повторяю. Нас сбросят в две цепи, интервал — две тысячи ярдов. По приземлении — тут же взять мой пеленг. Пока ищите укрытие — пеленгуйте напарников справа и слева. На все это — десять секунд. А после, до приземления фланговых, крушите все, что попадется под руку.

Фланговый — это я. Как помкомотделения, я должен был замыкать левый фланг, и меня слева не прикроет никто. Дрожь усилилась...

— Как только приземлятся фланговые, выровнять цепи и уточнить интервал. На это у вас двенадцать секунд, все прочее бросьте. Затем — прыжками вперед, четные-нечетные. Помкомотделений следят за очередностью и чтобы фланги полностью завершили охват.

Сержант поглядел на меня:

— Если сделаете все как надо — в чем я сильно сомневаюсь, — то фланги сомкнутся как раз к отбою, и можете сваливать. Вопросы?

Вопросов, как всегда, не было. Джелал продолжал:

— И еще. Это не настоящий бой, а только рейд. Мы должны показать противнику нашу силу и нагнать на него страху. Нужно, чтобы они поняли: нам ничего не стоит стереть город в порошок. И если мы пока что не забрасываем их бомбами, пусть это их не успокаивает. Пленных не брать. Убивать только при необходимости, но на месте приземления уничтожить все. И если хоть один олух притащит назад хоть одну бомбу!.. Ясно?

Некоторое время он молча взирал на нас.

— «Дикобразы Расжака» должны быть, как всегда, на высоте. Перед смертью лейтенант просил меня передать вам, обезьяны, что и на небесах не спустит с вас глаз ни на минуту... и надеется, что вы сможете покрыть славой свои имена!

Взглянув на сержанта Мигелаччо, командира первого полувозда, Джелли отступил в сторону, бросив напоследок:

— Падре, у вас пять минут.

Многие ребята вышли из строя и опустили на колени перед Мигелаччо. Вероисповедание здесь значения не имело: христиане, мусульмане, гностики, иудеи — всякий, кто хотел,

мог рассчитывать на благословение перед броском. Говорят, есть части, где капеллан не идет в бой вместе с остальными, но я понять не могу: как же они там в таком случае вообще живут?! Как капеллан может благословлять других на то, чего не собирается делать сам? У нас, в Мобильной Пехоте, все идет в бросок и все дерутся — и капеллан, и кок, и даже секретарь нашего Старика. Когда мы сядем в капсулы, никто из Дикобразов не останется на борту — кроме Дженкинса, но тут уж вина не его.

Я не стал подходить к Мигелаччо — боялся, как бы кто не заметил, что меня трясет. В конце концов, падре и оттуда может меня благословить. Однако он, напутствовав остальных, подошел ко мне сам и прислонил свой шлем к моему, чтоб обойтись без радио.

— Джонни, — тихо сказал он, — ты впервые идешь в десант капралом.

— Ну да...

На самом-то деле я был такой же капрал, как Джелли — офицер.

— Послушай, Джонни... Отыскать свои «метр на два» никогда не поздно и всегда слишком рано. Ты свое дело знаешь, вот и делай его. Ни больше ни меньше. Не лезь из кожи вон ради медалей, ладно?

— Ага, спасибо, падре. Хорошо.

Он мягко добавил что-то на языке, которого я не знал, хлопнул меня по плечу и поспешил к своему отделению.

— Смир-р-р... на!!! — крикнул Джелли. Все застыли.

— Взво-од!

— Полувзвод!.. — подхватили Мигелаччо и Джонсон.

— По полувзводам... с левого и правого борта... к броску... товсь!

— Полувзвод! По капсулам!

— Отделение!..

Мне пришлось подождать, пока рассядутся и уйдут в «ствол» четвертое и пятое отделения. Потом в «стволе» показалась моя капсула. Забираясь в нее, я успел подумать: а тех, древних, тоже дрожь брала, когда они влезали в своих троянских коней? Или это только я один такой?

Джелли проверил каждую капсулу на герметичность и собственноручно упаковал меня. При этом он, наклонившись, шепнул:

— Не тормози там, Джонни! Все как на учениях!

Люк надо мной захлопнулся, и я остался один. Как на учениях, значит... Меня затрясло с новой силой.

В наушниках послышался голос Джелли. Он вызывал капитана:

— Мостик! Дикобразы Расжака, к броску готовы!

— Семнадцать секунд, лейтенант! — раздалось в ответ веселое контральто капитана. Она обратилась к Джелли как к «лейтенанту»... Конечно, лейтенант Расжак мертв, и, может, Джелли скоро присвоят это звание... но пока что мы — Дикобразы Расжака.

— Удачи, ребята, — добавила она.

— Спасибо, капитан.

— Не подкачайте! Пять секунд...

Я был перетянут ремнями, будто багажный тюк, — живот, лоб, голени, — однако трясло меня пуше прежнего.

После отстрела всегда становится легче. До того сидишь в полной темноте, против перегрузок перебинтованный, как мумия, — тут и дышать-то трудно. Но в капсуле — азот, и шлема снимать нельзя, даже если б ты и мог его снять. Да и капсула все равно уже в «стволе»... В общем, если по кораблю попадут до того, как отстрелят твою капсулу, ты так и сдохнешь от удушья, не в силах пошевелиться. От этого-то ожидания в темноте, наверное, и трясет — как подумаешь иногда: а вдруг ты остался один?! Корабль с развороченным корпусом несется по орбите на манер «летучего голландца», и скоро ты, не способный даже шевельнуться, начнешь задыхаться... А может, корабль сошел с орбиты; тогда найдешь свои два квадратных метра внизу — если не сгоришь по дороге.

Тут корабль начал торможение, дрожь отпустила. По меньшей мере восемь «же», если не все десять! Если за штурвалом женщина, то, считай, хорошая встряска тебе обеспечена, а привязные ремни оставят на теле массу синяков. Да, я в курсе, из женщин выходят лучшие пилоты — реакция у них быстрее, перегрузки они переносят лучше, и потому маневр «налет — отступление» они выполняют гораздо четче и быстрее. Это здорово повышает наши шансы выжить; их шансы — тоже. И все-таки, когда на тебя навалился вес в десять твоих собственных, веселого в этом мало, я вам скажу.

Но капитан Деладрие дело свое знала туго. Я даже не почувствовал, как наш «Роджер Янг» прекратил торможение, только услышал ее команду:

— Носовые... Пуск!

Последовали два толчка — вниз пошли Джелли и помком-взвода, — и тут же:

— Левый и правый борт... Пуск!

Теперь наша очередь.

БАМП! Капсула продвигается вперед. БАМП! Еще продвигается — примерно как патрон в обойме старого автоматического оружия. Здорово похоже, только стволы больше смахивают на туннели, вмонтированные в космический корабль, а каждый патрон — это капсула, в которой кое-как помещается пехотинец с полной выкладкой.

БАМП! Обычно третьим номером бывал я, но сейчас я шел «Чарли-хвостиком», то есть замыкающим, последним из всех трех расчетов. Капсулы отстреливались с секундным интервалом, однако ждать было скучно, и я принялся считать отстрелы. БАМП! — двенадцать. БАМП! — тринадцать. БАМП! — четырнадцать... Странный звук — это пошла пустая, Дженкинс остался на борту... БАМП!..

КЛАНГ! Теперь моя очередь, я уже в камере отстрела. УАМММММ! Последовал взрыв, рядом с которым маневр торможения в исполнении капитана Деладрие — детские игрушки...

А потом — ничего.

Вообще ничего. Ни звука, ни тяжести, ни перегрузок. Полет в полной тишине; свободное падение миль, похоже, на тридцать. Атмосферы пока что, считай, вовсе нет — падаешь себе потихоньку на никогда не виданную планету... Теперь меня не трясло — ожидание кончилось. И вообще после отстрела бояться уже некогда — если что и случится, все равно даже пикнуть не успеешь.

Капсула начала раскачиваться, затем выровнялась, потом стал возвращаться и вес. Нарастал он быстро, и скоро я почти достиг своей нормы — нам говорили, на поверхности здесь 0,87 «же». Капсула вошла в верхние слои атмосферы. Хороший пилот, мастер, должен затормозить и отстрелить капсулы так, чтобы они шли параллельно экватору и со скоростью, равной скорости вращения планеты. Тогда они пройдут верхние слои атмосферы с небольшим разбросом и приземлятся

не слишком далеко от места назначения. Ну, может, некоторых отнесет подальше — всех атмосферных штучек, конечно, не учесть. А если пилот растеряется, то может так раскидать десант, что собраться в точке рандеву будет очень сложно, а это — верный провал операции. От пехотинца можно ожидать чего-то стоящего, только если точно вывести его на цель, поэтому лично я считаю, что пилоты важны не меньше, чем мы.

Капсула вошла в атмосферу мягко — стало быть, капитан положила нас с отклонением, близким к нулю, о таком можно только мечтать! Я почувствовал себя счастливым — и не только оттого, что мы приземлимся точно. Пилот, который так здорово сработал бросок, не подкачает и потом, когда нам придется возвращаться.

Внешняя оболочка капсулы загорелась и начала отходить. Похоже, неровно — я закувыркался. Затем она отошла полностью, и я выровнялся. Заработали турбулентные гасители скорости второй оболочки. Меня затрясло пуше прежнего. Пока носители сгорали, болтанка усилилась, а потом начала отходить вторая оболочка. Это одна из тех уловок, что укрепляют в пехотинце надежду дожить до пенсии. Отходя, оболочки не только тормозят падение — они вдобавок заполняют небо вокруг десантника таким количеством мусора, что радары внизу вместо каждой цели показывают целую уйму. И любая из точек на экране может быть бойцом, или бомбой, или чем-нибудь еще. За глаза хватит, чтоб любая система наведения спятила, — да так с ними обычно и бывает.

Для пушего смеху с корабля сразу вслед за нами отстреливают еще серию пустышек — они падают быстрее, потому что не сбрасывают оболочек, достигают земли прежде нас, взрываются и расчищают место посадки. Да еще работают как импульсные повторители, сбивая с толку радары, — в общем, делают массу дел, добавляя хлопот тем, кто должен организовать нам внизу торжественный прием.

Тем временем на корабле, оставив по боку весь этот радарный шум, ни на миг не выпускают из виду радиомаяк комвзвода и вычисляют точку приземления — для разных будущих подробностей.

Вторая оболочка полностью отошла, и из третьей автоматически выстрелился первый ленточный парашют. Работал он недолго, а рассчитан был и вовсе ни на что — мощный рывок,

и парашют летит ко всем чертям. Второй парашют работал немногим дольше, а третий — уже порядком. В капсуле стало жарковато. Пора подумать о приземлении.

Третью оболочку сорвало вместе с последним парашютом. На мне остались скафандр да пластиковое яйцо, внутри которого я был привязан. Двигаться я все еще не мог. Теперь пора определиться с посадкой. Нажав кнопку под пальцем, я включил дисплей ближнего обзора, расположенный на лицевой панели шлема, и снял данные.

Миля и восемь десятых. Малость пониже, чем я привык, — особенно в одиночку. Яйцо падало с постоянной скоростью, а значит, держаться за него дальше не было смысла. Но, судя по температуре оболочки, автоматика откроет его еще не скоро. Я нажал кнопку немедленного освобождения.

Первый заряд перебил ремни, второй взорвал пластик, распавшийся на восемь частей, а я остался сидеть прямо в воздухе и наконец-то мог видеть. Все восемь кусков оболочки, кроме маленького обзорного окошка, металлизированы и дают радару такой же сигнал, как и человек в скафандре. Наблюдатель, будь он живой или электронный, потратит кучу времени, пытаясь вычислить меня на экране среди кусков и обломков, разбросанных на милю вокруг. На учениях всем пехотинцам дают поглядеть собственными глазами и на экране радара, какую кашу в воздухе наблюдают с земли. Это — чтобы не чувствовали себя беззащитными в воздухе, иначе слишком легко поддаться панике и подставиться. Например, раскрыть парашют раньше, чем надо, и превратиться в «сидячую утку» — кажется, так это называют... Кстати — утки действительно «сидят»? Как это? Или вовсе не раскроешь парашют и сломаешь шею...

Я потянулся, распрямился и оглядел окрестности.

Потом сложился пополам и выпрямился снова, но уже лицом вниз, в положении «ныряющий лебедь», чтобы улучшить обзор. Внизу была ночь, об этом нас предупреждали, однако инфравизоры показывают все достаточно хорошо — когда к ним привыкнешь. Прямо подо мной находилась река, по диагонали пересекавшая город. Она ярко светилась на дисплее — вода была гораздо теплей почвы — и стремительно надвигалась. Мне было все равно, на какой из берегов садиться, лишь бы не в воду — это здорово задержит.

Вспышка справа — примерно на моей высоте. Какой-то неприветливый туземец, похоже, спалил один из обломков

моей капсулы. Я тут же раскрыл парашют, чтобы по возможности убраться из поля зрения его радара — на тот случай, если он вздумает проследить до приземления все цели в выбранном районе. Меня тряхнуло, я тут же выправился, обуздал парашют, секунд двадцать потихоньку плыл к земле, а потом отстегнул его — что, по-вашему, может означать цель, снижающаяся куда медленней остальных?

Должно быть, все хитрости сработали — никто меня не изжарил.

На шестистах футах я раскрыл еще парашют и быстро осмотрелся. Меня несло прямо в реку, а когда я снижусь футов до ста, то окажусь над зданием с плоской крышей — наверное, склад. Он стоял у самого берега. Отстегнув парашют, я врубил двигатели скафандра и, приземлившись прямо на крышу, взял пеленг командира взвода.

Оказалось, берег я выбрал не тот. На кольце радиокompаса в шлеме огонек Джелли светился далеко к югу — стало быть, я слишком забрал на север. Я бросился по крыше к реке и на ходу взял пеленг командира соседнего расчета. Он был в миле от меня:

— Эйс, выровнивай цепь!

Оставив на крыше бомбу, я прыгнул через реку, к постройкам на том берегу.

Ответ Эйса можно было вычислить заранее. Именно он должен был занимать мой нынешний пост, только не захотел покидать свое отделение. Но принимать от меня приказы он тоже не желал.

Склад позади взлетел на воздух. Я полагал, что взрывная волна нагонит меня уже на том берегу, когда я буду прикрыт зданиями, — однако она накрыла меня еще в воздухе. Мой гироскоп чуть не завалило набок, а вместе с ним и я едва не перевернулся. Но я ведь поставил бомбу на 15 секунд... или нет? Похоже, я потерял контроль над собой, а из всех штук, что ты можешь выкинуть в бою, эта — самая худшая. «Все как на учениях», — говорил Джелли. Не жалея времени; все делай как следует, пусть на это уйдут лишние полсекунды.

Приземлившись, я опять связался с Эйсом и снова приказал перестраивать отделение. Он не ответил, но перестраиваться начал. Ну и черт с ним. Пока Эйс делает что положено, можно простить ему грубости — временно. Однако, если мы вернемся на корабль и Джелли утвердит меня в помкоммах,